

Незабываемый человек, ученый и учитель

Мне, как и многим моим ленинградским-петербургским коллегам, посчастливилось в течение многих лет общаться с крупнейшим филологом-фольклористом Виктором Евгеньевичем Гусевым, а в годы обучения в аспирантуре слушать его лекции по эстетике.

Нас всех — аспирантов с разными научными интересами (музыковеды, театроведы, киноведы) поражало богатое знание профессора Гусева в области филологии, философии и фольклористики. Каждый раз в конце лекции Виктор Евгеньевич давал нам литературу, которую нужно было читать и понимать, понимать по-своему. Читать приходилось много, 100–150 страниц в течение недели (ведь нам было нужно читать еще и сугубо специальную литературу: музыковедческую, театроведческую и т. д.). Взгляды сталкивались уже на следующем занятии, при обсуждении темы.

Внешне больше всего бросалось в глаза у нашего профессора его природная скромность и интеллигентность, не широкая, но чрезвычайно добрая, берущая свое начало из сердца улыбка.

Мне всегда было трудно рассказывать о людях, которых я знал в течение долгих лет, и которые дороги для меня. Здесь я хочу вспомнить о трех фрагментах прошлых лет.

Весной 1981 г. (я еще не был аспирантом, им я стал в конце 1985 г.) в Зеленом зале РИИИ (в то время НИО ЛГИТМиК) проходил концерт традиционной музыки. Выступил и я, исполнил на таре несколько азербайджанских классических мугамов. Как говорится, дело привычное. После концерта, в фойе неожиданно подошел ко мне Виктор Евгеньевич, посмотрел на меня с улыбкой, подал руку и сказал только одно слово: «Виртуоз!»

Тогда я еще не знал, что профессор Гусев имеет профессиональное музыкальное образование и пишет прекрасные стихи.

В течение моей исполнительской деятельности я слышал немало теплых слов от моих благодарных слушателей, но это одно слово стало для меня незабываемым. А улыбку уважаемого ученого описать словами не могу. Это тот случай, когда улыбка отражается не только на губах и лице, а больше всего в глазах. В этой улыбке была смесь доброты, радости и явного удивления. Таковую, не поддающуюся полному словесному описанию, улыбку видел я всего три раза. Первый раз, в середине 1960-х, у моей дорогой матери, когда она заметила, как я старательно и «профессионально» стираю свою рубашку; второй раз в начале 1980-х, у одного из моих уважаемых бакинских учителей — знаменитого азербайджанского

композитора и дирижера Сеида Рустамова, после прочтения моего доклада о его фольклористической деятельности; третий раз, также в начале 1980-х, у профессора Гусева. Три похожие улыбки, запоминающиеся на всю жизнь.

В конце 1985 г. я стал аспирантом сектора фольклора на Исаакиевской. Занятия по философии и эстетике проходили в ЛГИТМиК, на Моховой. Первую лекцию Виктор Евгеньевич начал со знакомства с аспирантами. При знакомстве каждому из нас он задавал вопрос:

— Какие языки знаете, кроме русского?

Свой вопрос он обосновал так: вы начинаете новую жизнь — жизнь ученого, и обязательно должны знать иностранные языки.

Я сидел за первой партой с девушкой из сектора театра, которая по природе была жизнерадостная, подвижная. И вдруг она неожиданно задала тот же вопрос самому Виктору Евгеньевичу:

— А Вы какие языки знаете? (Мне бы это даже не могло прийти в голову.)

На вопрос сразу ответила только что вошедшая в аудиторию Елена Викторовна Назарова, заведующая аспирантурой, *мать* нескольких поколений аспирантов, ставших впоследствии крупнейшими деятелями советского искусства и искусствоведения. Она сказала:

— Виктор Евгеньевич знает европейские языки, а также владеет всеми славянскими языками.

Немного позже, еще в аспирантские годы, я убедился в большом авторитете В. Е. Гусева в славистике.

На очередном занятии мы обсуждали какую-то книгу (точно не помню, какую). Пришлось сказать слово и одной девушке с красивыми глазами. Она посмотрела на нас этими же красивыми глазами и сказала:

— Вы знаете, я работу не читала, но могу сказать свое мнение...

Виктора Евгеньевича словно ужалила змея:

— Вы хотите высказываться о научном труде, которого не читали?

Он голос не поднимал. И вообще, я никогда не видел его говорящим на повышенных тонах. Но лицо его было изменено. Все всем было ясно. Такое легкое отношение к науке он считал оскорбительным.

Этот случай для меня был уроком на всю жизнь. С тех пор я никогда не старался высказывать свое мнение о не прочитанной мною исследовательской работе, и в тех случаях, если она по теме очень близка мне и у меня на эту тему имеется неплохой запас знаний. Даже талантливая вариация на знакомую тему не заменит настоящую научную критику.

* * *

Жизнь В. Е. Гусева была не легкая. Он боевой офицер, воевавший против фашизма. В разные годы занимал руководящие должности (заведовал кафедрой, сектором, был проректором и т. д.), отнимающие много времени. Но Виктор

Ф. Челеби

Евгеньевич никогда не расставался с наукой и в итоге оставил после себя богатое научное наследие, к которому всегда будут обращаться новые поколения фольклористов.

Азербайджанская пословица гласит: «Стать ученым легко, а стать человеком трудно». Мы хорошо знаем, что стать ученым трудно. Конечно, это знает и народ. Не зря же пророк Мухаммед говорил: «Чернила ученого мужа подобны крови шехида-мученика за веру». Но стать человеком еще труднее. В. Е. Гусев до последних своих дней оставался настоящим ученым и Человеком с большой буквы. Такие люди не забываются.

*Фаик Ибрагим оглы Челеби.
Фольклорист. Санкт-Петербург*